П. П. Толочко

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕЙШИХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ГОРОДОВ

Проблема происхождения древнейших восточнославянских городов, несмотря на постоянный к ней исследовательский интерес, нуждается в дальнейших разработках. Как показывает опыт отечественной историографии, многие трудности в ее решении обусловлены не только неполнотой источниковой базы, но и теоретической неопределенностью социальной сущности раннегородских образований, неразработанностью механизма процессов их вызревания. Нередко это приводит к подмене предмета исследования. Вместо изучения процессов зарождения городских форм жизни историки пытаются определить ту неуловимую грань, после которой города уже существуют в классических для русского феодального средневековья формах.

Многие исследователи, отмечая, что летописные термины «град» или «город» не раскрывают социального содержания конкретного населенного пункта, не склонны видеть в каждом из них действительно городские центры. «Настоящими» городами были только те, которые выполняли в системе феодальных отношений целый комплекс функций — экономических, политических, административных, культурных [1]. Наряду с понятием «настоящий» в исторической литературе имеется понятие «типичный» древнерусский город, объединивший в себе следующие элементы: крепость, дворы феодалов, ремесленный посад, административное управление, церковь [2].

Если бы исследователи при определении ранних древнерусских городов строго придерживались выработанной ими же модели, то вынуждены были бы признать, что ни «настоящих», ни «типичных» в IX и даже в X в. на Руси еще не было. Собственно, именно это и утверждает И. Я. Фроянов [3]. Но подобный подход к проблеме не историчен. «Настоящими» города были не изначально, а становились в результате длительной эволюции. В период своего зарождения они не могли обладать полным набором функций феодального города. В исторической литературе последних лет (особенно в работах археологов) утвердилось мнение, что города были прежде всего центрами ремесла и торговли [4]. В качестве обязательной предпосылки их становления выступают более ранние ремесленные поселения [5]. В связи с этим принципиально важное значение приобрел и вопрос о городских посадах. Наличие или отсутствие таковых для большинства исследователей является основным критерием определения социальной сущности того или иного населенного пункта.

Не умаляя роли ремесла и торговли в становлении древнерусских городов, отметим, во-первых, что эти отрасли развивались почти исключительно в рамках вотчинного (государственного) сектора экономики, а не на свободной городской основе и, во-вторых, что они целиком зависели от уровня развития сельского хозяйства. Последнее, как отмечал Ф. Энгельс, вплоть до позднего средневековья «было все еще главной отраслью производства» [6]. Города, будучи центрами административного управления определенной сельскохозяйственной округой и местами проживания феодальной (феодализирующейся на ранних этапах) знати, со времени своего возникновения имели одну

из существеннейших экономических функций отчуждения (и перераспределения) прибавочного продукта земледелия.

Успехи в исследовании проблемы генезиса ранних восточнославянских городов во многом зависят от того, насколько правильно понимается соотношение таких важных исторических явлений, как город и государственность. На первый взгляд здесь все ясно. Тезис о тесной взаимообусловленной связи между возникновением древнейших восточнославянских городов и зарождением государственности, в принципе, не подвергается сомнению. Исследователи, занимающиеся выяснением вопросов происхождения того или иного города, ставят их в зависимость от решения общей проблемы: когда же начинаются города на Руси?

Однако в такой постановке вопроса заключена и определенная методологическая ошибка, предполагающая не одновременную связь этих исторических явлений (формирования государственности и зарождения городов), а последовательную: сначала появилось государство, а затем начали возникать города. В действительности это был двуединый процесс, корни которого уходят в переходную эпоху общественно-политического и социально-экономического развития восточных славян.

Отметим, что, несмотря на региональные отличия и различную интенсивность, исторические процессы протекали на территории расселения восточных славян и их непосредственных соседей в сходных условиях и характеризовались рождением более-менее одинаковых общественных структур. Это позволяет рассматривать проблему происхождения древнейших восточнославянских городов в контексте европейского исторического процесса в средневековую эпоху. Наиболее близкие аналогии наблюдаются в истории западных славян.

1. **Славянские грады VI—VIII вв.** «Повесть временных лет» летописца Нестора, являющаяся главным источником ранней истории восточных славян, в вводной части дает яркую картину не только их этногеографии, но и уровня общественно-политического развития. Перечисляя отдельные восточнославянские группы, Нестор называет их поименно — поляне, древляне, северяне, дреговичи, словене, вятичи и др., а там, где пытается определить их социальную сущность,— княжениями. После смерти полянского князя Кия, замечает летописец, «почаша родъ ихъ княженье в поляхъ, а деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣни свое в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже полочане» [7]. «Род» здесь, вне всякого сомнения, выступает в понимании династии.

Исследователи уже сравнительно давно пришли к единому мнению, что летописные племена представляли собой не мелкие родовые, а крупные территориальные объединения — союзы племен или союзы союзов и что находились они на этом этапе развития уже в VI—VII вв. Археологические исследования восточнославянских древностей позволяют значительно дополнить и конкретизировать летописные характеристики. Практически каждому летописному племени соответствуют своя археологическая культура, памятники которой занимают огромные территории. Согласно расчетам Б. А. Рыбакова [8], Русь VI—VII вв., определяемая ареалом распространения древностей русов, занимала пространство около 200 тыс. км^2.

Процессы консолидации восточнославянских племен, протекавшие в условиях постоянной военной опасности со стороны кочевников, вызвали к жизни новую форму поселений. В летописи они названы «градами». В рассказе Нестора об основании Киева читаем: «И створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго». Говоря об уличах, летописец отмечает, что они сидели по Днепру до моря «и суть грады ихъ и до сего дне». Летопись не раскрывает, что представляли собой эти первичные «грады». Можно лишь предполагать, что они были административно-политическими центрами союзов племен, а также крепостями в пограничных районах. Недостаточность письменных данных компенсирует археология, открывшая остатки этих «градов» практически на всей территории расселения восточных славян. Типологически все

они очень близки между собой: занимают высокие мысовидные террасы коренных берегов рек, небольшие по площади и хорошо укреплены земляными валами и деревянными стенами.

Изучение восточнославянских «градов» VI—VIII вв. (Киев, Чернигов, Зимно, Пастырское, Хотомель, Колочин, Тушемля, Изборск, Псков и др.), как и синхронных им неукрепленных поселений, позволяет прийти к выводу о нарастании количественных и качественных изменений в хозяйственной жизни восточнославянских племен.

Значительный прогресс наблюдается в основной отрасли производства — земледелии. Достигался он, главным образом, при помощи усовершенствования орудий обработки почв и уборки урожая. На поселениях найдены железные наральники, сошники, чересла, мотыги, серпы, косы. Причем форма многих из них, сложившаяся в третьей четверти I тыс. н. э., не претерпела сколько-нибудь существенных изменений и в последующие века. Сказанное относится в первую очередь к широколезвийным наральникам, чересламм, серпам, косам-горбушам [9].

Усовершенствование орудий земледелия позволило значительно расширить площадь запашных угодий, а следовательно, увеличить объем производимой продукции. Найденные на поселениях зерна злаков, их отпечатки на глиняной посуде, обмазке стен жилищ свидетельствуют, что восточные славяне выращивали почти все известные сегодня культуры — твердую и мягкую пшеницу, рожь, ячмень, овес, просо, горох, бобы, коноплю и пр.[10]

Важное место в хозяйственной жизни восточных славян занимало животноводство, зиждевшееся на относительно высокоразвитом земледелии. Остеологический материал, происходящий из поселений третьей четверти I тыс. н. э., показывает, что восточные славяне разводили крупный рогатый скот (более 50 % костей), свиней, лошадей, коз, овец.

Заметные изменения происходят и в области ремесленного производства восточных славян. Наиболее существенны они в металлодобыче и металлообработке, то есть тех отраслях, которые находились в определенном хозяйственном единстве и взаимодействии с земледелием. Остатки этих производств обнаружены на многих поселениях. Особый интерес представляют два центра по добыче железа. Один из них, у с. Григоровка на Винничине, датируется VIII—IX вв., другой, у с. Гайворон на Южном Буге, VII—VIII вв.[11] Большое число железоплавильных горнов (в Григоровке — 30, в Гайворонe — 25) дает основание предполагать значительную производственную мощность этих центров, обеспечивавших железом ближайшую сельскохозяйственную округу. По мнению Г. А. Вознесенской, существование таких центров свидетельствует о растущем разделении труда, наличии рабочего коллектива, имеющего профессиональные навыки, о расширении рынка сбыта металлургической продукции. Последнее подтверждается находками товарных полуфабрикатов железа, встречающихся на славянских поселениях (Зимно) [12].

Подъем в области железодобывающего производства обусловил определенные сдвиги и в области железообработки. В VII—VIII вв. в отдельных районах восточнославянского мира, главным образом в южном регионе, происходит обособление кузнечного дела от металлургии [13]. Подтверждением этого являются отчетливые следы кузнечного производства, открытые в Зимно (набор кузнечных инструментов) и Пастырском (остатки кузницы и набор кузнечных инструментов). Технологическое изучение продукции из славянских поселений свидетельствует о том, что, несмотря на увеличение объема производства в VI—VII вв., в технике кузнечного дела по сравнению с предшествующим временем существенных изменений не произошло [14].

Менее развитой и распространенной отраслью ремесла третьей четверти I тыс. н. э. на восточнославянских землях было ювелирное дело. И все же находки изделий из серебра, меди и сплавов, обнаружение остатков мастерских в Зимно, Пастырском, на других поселениях свидетельствуют об определенных успехах и в этой области.

Славянские ювелиры умели отливать браслеты, гривны, фибулы, перстни, поясные бляшки, пряжки; были знакомы с искусством зерни.

Отмечая определенные успехи в хозяйственном развитии восточных славян VI—VIII вв., нельзя впадать в модернизацию исторического процесса, как это наблюдается в некоторых работах. «Во второй половине I тыс. н. э. наряду с работой на заказ,— пишет В. В. Седов,— ремесленники начинают производить продукцию для рынка, то есть на продажу, причем заметен рост продукции, изготовленной на продажу. Это способствовало возникновению специализированных поселений, где жили и работали преимущественно ремесленники, работавшие для рынка. Эти поселки становились сосредоточением внутренней, а в отдельных случаях и внешней торговли. В отличие от открытых, лишенных укреплений рядовых поселений или ремесленных пунктов, каким, например, был Григоровский железоделательный центр, на этих поселениях сооружаются укрепления» [15].

Населенных пунктов, на которых бы проживали преимущественно ремесленники, работавшие на рынок, в VI—VIII вв. еще не существовало. Ремесленное производство раннесредневековых «градов» зиждилось на общинной основе, работало, главным образом, на заказ и обслуживало потребности очень небольшой округи. Товарность его находилась в зачаточной стадии. К тому же не ремесло было основой хозяйственной деятельности обитателей укрепленных поселений. Таковой с полным основанием следует считать сельскохозяйственное производство. Не случайно ведущую категорию находок на укрепленных поселениях составляют, как правило, орудия обработки поля и уборки урожая. Даже на Пастырском поселении, являвшемся, по мнению ряда ученых, наиболее крупным и развитым центром ремесла, в большом количестве обнаружены орудия, связанные с земледелием и скотоводством: лемеха плугов, наральники, косы, серпы, лопаты, ножницы для стрижки овец.

Не следует преувеличивать и степень развитости рыночных связей в восточнославянском обществе VI—VII вв. В это время они только завязываются, да и то на уровне обмена. В активную торговлю восточные славяне вовлекаются лишь во второй половине VIII в., когда на их земли широким потоком хлынуло восточное серебро [16].

Автором этих строк лет 10—15 назад было высказано предположение, что весь комплекс археологических находок, происходящих из городищенских центров VI—VII вв., свидетельствует о присутствии на них ремесленников и представителей высших слоев общества [17]. Многими исследователями оно было встречено критически. Чехословацкий археолог Б. Достал назвал его дискуссионным [18].

Относительно вопроса о существовании ремесленников на укрепленных поселениях третьей четверти I тыс. н. э.— то никакой дискуссионности в нем нет. Вывод был сделан на основе анализа конкретных археологических фактов. Намного сложнее вопрос о существовании в это время высших слоев общества. Теоретически все ясно. Византийские источники VI—VII вв. неоднократно упоминают славянских вождей, называя их латинским термином rex. Русские летописи говорят о княжениях полян, древлян, северян и других славянских племен, следовательно, также отмечают наличие племенной знати. Наконец, свидетельством о выделившейся верхушке восточнославянского общества являются клады ювелирных изделий, обнаруженные в южных районах расселения восточных славян. Логично предположить, что именно укрепленные «грады» и были средоточием выделявшейся и узурпировавшей власть племенной знати.

Определенные основания для такого вывода дают и археологические материалы, обнаруженные во время раскопок славянских «градов» VI—VIII вв. Практически на каждом из них находили в значительном количестве ювелирные изделия — серебряные браслеты с утолщенными концами, серебряные серьги, бронзовые подвески. Известия дореволюционной киевской прессы о находке семи серебряных

браслетов с утолщенными концами (шестигранными и круглыми) «в Старом городе, за Софийским собором», дают основание предполагать, что происходят они из одного комплекса, возможно, клада [19]. Три клада ювелирных изделий VI—VIII вв. обнаружено на Пастырском городище.

Кроме серебряных украшений свидетельством проживания племенной знати в «градах» являются и предметы вооружения. В Зимно найдено 36 наконечников стрел, 17 копий, 3 сулицы, 1 чекан. Находки предметов вооружения встречены в Хотомеле, Колочине, на Пастырском городище. Все это говорит о формировании в славянском обществе VI—VIII вв. профессиональных воинов-дружинников, местами проживания которых являлись «грады».

Следует обратить внимание еще на одно явление, связанное с жизнью древнейших укрепленных центров и выделявшее их среди синхронных поселений округи. Речь идет о языческих святилищах, исследованных в Киеве, Тушемле и на некоторых других поселениях. Они свидетельствуют, вероятно, о формировании в восточнославянской среде крупных племенных и межплеменных сакральных центров.

Итак, что же представляли собой восточнославянские «грады» и каково их отношение к древнерусским городам феодальной эпохи? Ответ на этот вопрос будет более полным, если мы сопоставим их с аналогичными «градами» западных славян, общественное развитие которых характеризовалось теми же закономерностями, что и восточных. Древнейшие письменные свидетельства о славянах в Средней Европе, содержащиеся в «Хронике Фредегара», позволяют утверждать, что уже в VI—VII вв. западнославянское общество переживает значительные изменения. В 623 г. произошло объединение моравов и словаков в межплеменной союз Само, создалось обширное территориальное образование, в состав которого вошли земли Моравии, Западной Словакии и Нижней Австрии [20]. Одержав победу над аварами и, по существу, положив конец их господству, Само превратилось в важнейший центр политической и экономической жизни Средней Европы. Под его властью оказались пути, по которым велась торговля с аварами, Италией и Востоком, что благоприятно сказывалось на экономическом развитии. Усиление Само вызывало беспокойство и противодействие соседнего Франкского государства [21].

Рождение крупного межплеменного союза Само не было вызвано лишь необходимостью борьбы с аварами, а позже и Франкским королевством. Причины образования этого союза лежали в социально-экономическом и культурном развитии западных славян. Наблюдается значительный прогресс в области ремесленного производства, способного обеспечить отдельными видами продукции широкий круг потребителей. В сельском хозяйстве, особенно в плодородных областях западнославянского мира (например, Моравская и Нитранская котловины), характерно использование совершенных пахотных орудий, в том числе плуга.

Аналогичные процессы, вероятно, происходили и на территории Польши. Поляне, мазовшане представляли собой крупные территориальные объединения — союзы племен с зачатками политической организации. О формах этой организации в определенной степени позволяет судить легенда о Краке, рассказанная в хронике Кадлубки, имеющая элементы исторической традиции. Крак, в представлении Кадлубки, стоял на рубеже двух эпох — племенной и государственной — и олицетворял рождение политической власти. Не случайно некоторые историки считали возможным видеть в этой легенде историческую параллель с известиями Фредегара о Само [22].

Одним из важнейших проявлений процессов политической консолидации западных славян VI—VII вв. явилось строительство укрепленных центров — «градов» [23]. Исследователи совершенно справедливо видят в них не только крепости, за стенами которых укрывалось население от вражеских нападений, но и центры, где концентрировалась власть.

Определяя социальную сущность моравских «градов» VI—VIII вв., З. Кланица ставит их в один ряд с аналогичными поселениями в Польше (Шели-

ги), на территории ГДР (Торнов), СССР (Тушемля) [24].

Г. Ловмянский, исследуя начало древнепольской государственности, писал, что за Вислой мазовецким Краковом стал Плоцк, заложенный в районе древних политических традиций. Под Плоцком уже в VI—VII вв. в городке Шелиги существовало важное политическое средоточение [25]. Открытие «градов» VI—VIII вв. позволило Г. Лабуде высказать предположение, что они представляют собой первый этап в развитии древнейших польских городов [26].

Руководствуясь известным положением Ф. Энгельса о городах, сделавшихся «средоточием племени или союза племен» [27], многие исследователи считали, что «племенную» стадию развития прошли и старейшие русские города. С. В. Юшков называл поселения — предшественники феодальных городов, племенными центрами; Н. Н. Воронин — старыми дофеодальными поселениями; В. В. Мавродин и И. Я. Фроянов — родоплеменными городами [28].

При кажущемся единстве взглядов названных историков в действительности между ними имеются весьма существенные различия. С. В. Юшков, основываясь на материалах археологических исследований роменско-боршевских городищ, датировал племенную стадию в жизни древнейших древнерусских городов VIII—IX вв.[29] И. Я. Фроянов полагает, что эта фаза в развитии городов-государств продолжалась до конца X — начала XI в., когда в основном завершается распад родоплеменных отношений [30].

Последнее утверждение явно противоречит фактам и вряд ли нуждается в критическом разборе. С. В. Юшков, не располагавший еще той суммой источников, которая накопилась к настоящему времени, был значительно ближе к истине. Новые исследования показывают, что существование так называемых племенных центров относится к VI—VII вв. Собственно, аналогичный вывод был сделан С. А. Таракановой в 50-е годы на материалах раскопок Псковского городища [31].

Думается, что определение раннесредневековых восточнославянских «градов» как племенных центров, получившее широкое признание в последние годы, весьма условно. Оно не раскрывает их социальной сущности. На данном этапе исследований ясно, что это явление относится не к первобытнообщинной эпохе в истории восточных славян, а к переходному этапу их общественного развития, характеризовавшемуся рождением социально-классовых отношений. Несмотря на естественную для переходных эпох многоукладность, сосуществование старых и новых структур, рассматривать то или иное историческое явление необходимо на базе новой (рождающейся) закономерности.

В свое время П. Н. Третьяков применил по отношению к раннесредневековым племенным или межплеменным центрам термин «эмбрион города» [32]. Думается, что это определение наиболее точно выражает социальную сущность «градов» VI—VIII вв. В них была заложена возможность перерастания в феодальные города, которая, однако, далеко не всегда реализовывалась. Многие из них так и не стали городами: были сожжены кочевниками или же оставлены поселенцами в связи с изменившимися условиями жизни.

Существование «градов» VI—VIII вв., являвшихся важнейшими элементами общественно-политической организации восточнославянского общества, исторически обусловило возникновение и развитие первых древнерусских городов. Поиски их истоков в племенных «градах» VI—VIII вв. в такой же мере оправданы, как и поиски истоков древнерусской государственности в племенных «княжениях», с которых летописец Нестор начал историю государства Руси.

2. Древнейшие города VIII—IX вв. Процессы политической консолидации и социально-экономического развития восточнославянского общества, обозначившиеся в VI—VIII вв., значительно ускорились в конце VIII—IX вв. Именно в это время, по свидетельству письменных источников, в Среднем Поднепровье, на базе бывших племенных княжений — полянского, северянского, древлянского, дреговичского, сложы-

лось государственное объединение «Русская земля» во главе с Киевом [33]. Известия о нападениях руссов на византийские владения, расположенные вдоль Черноморского побережья, содержащиеся в житиях Стефана Сурожского и Георгия Амастридского, а также о русском посольстве 838—839 гг. в Константинополь, сообщенные епископом Пруденцием в Бертинской хронике, не оставляют сомнений в существовании на берегах Днепра крупного государства [34].

Б. А. Рыбаков, проанализировав восточные географические сочинения, в том числе и «Худуд ал-Алам», источники которых восходят к началу IX в., а также институт «полюдья» киевских князей, пришел к выводу, что в Среднем Поднепровье возник своеобразный вариант раннефеодального государства с верховной собственностью на землю, вассалитетом, основанным на земельных владениях и с широким круговоротом прибавочного продукта [35].

Аналогичную фазу общественно-политического развития переживали в это время моравы и словаки, образовавшие Великоморавскую державу; чехи, объединившиеся в государстве Пржемысловичей; поляки, создавшие крупное раннегосударственное объединение с центром в Гнезно [36].

Создание Киевской Руси на рубеже VIII—IX вв. явилось результатом сложного переплетения факторов общественно-политического и социально-экономического развития восточных славян. Анализ всех источников (письменных и археологических) показывает, что в VIII—IX вв. активно проходил процесс феодализации общества. Согласно исследованию Б. А. Рыбакова, основанному на анализе восточных известий, социально-политическая стратификация Руси выглядела следующим образом: «великий князь», «светлые князья», «всякое княжье», «великие бояре», «бояре», «гости-купцы», «люди», «челядь» [37]. Практически такую же картину рисуют нам и русские летописи. Древлянское общество состояло из простых людей, «делающих нивы земли своя», «лучших» и «нарочитых» мужей, князей.

Местом проживания феодализирующейся знати уже в VIII—IX вв. были укрепленные «грады», в которых, по предположению П. Н. Третьякова и Б. А. Рыбакова, следует видеть замки, центры вотчинного хозяйства. Высказанная ими мысль, подтвержденная раскопками городища Поганско в Моравии, как будто бы не обосновывается материалами раскопок восточнославянских городищ. Б. А. Тимощук, исследовавший около десяти городищ VIII—IX вв. в Среднем Поднестровье, ни в одном из них не смог увидеть остатки феодального замка. Основная причина заключается в открытии на городищах больших общественных домов [38]. Подобный вывод обусловлен неверным представлением о характере феодальной усадьбы, на которой якобы не должно быть места большим постройкам культового или какого-либо другого назначения. Полное исследование феодальной усадьбы IX в. на городище Поганско, осуществленное Б. Досталом, показало, что она представляла собой большой (около 8000 м^2) двор, огражденный дубовым частоколом и застроенный значительным количеством зданий. Среди них были и большие наземные дома столбовой конструкции площадью до 110 м^2, служившие, по предположению исследователя, местом проживания или сбора дружины, а также амбарами, где хранились хозяйские продукты и оброки, собранные от подданного населения. Здесь же находились и объекты культового характера [39].

Раскопки городищ VIII—IX вв., обнаруживающие почти на каждом из них относительно многочисленные предметы вооружения, дают основание утверждать, что в это время активно происходил процесс формирования дружинного сословия, представлявшего собой независимую от общины военную силу.

Изменения в общественно-политическом развитии восточных славян VIII—IX вв. обусловливались дальнейшим прогрессом в сфере экономики, увеличением объемов прибавочного продукта. Особенно возросла продуктивность сельского хозяйства. Археологи отмечают повсеместное увеличение площадей земледельческих поселе-

ний, а следовательно, и запашки. Длительная эксплуатация одних и тех же участков была возможна только в условиях двухпольной системы земледелия. Значительно улучшилось техническое обеспечение земледелия. В VIII—IX вв. широкое распространение получает тяжелое рало или плуг. Железные лемехи и чересла обнаружены на городищах Новотроицкое, Титчиха, Хотомель, Плиснеское, на поселении Пеньковка и др. Тяжелое рало-плуг значительно улучшило обработку почв, а главное, резко увеличило производительность земледельческого труда. И, видимо, не случайно именно это пахотное орудие, именуемое летописью то ралом (статья 965 г.), то плугом (статья 981 г.), явилось окладной единицей.

Важные сдвиги произошли и в ремесле. Оно уже концентрируется на отдельных поселениях. Так, во время раскопок Добрынинского городища IX в. (Северная Буковина) удалось проследить остатки девяти ремесленных мастерских по обработке металла, изготовлению и обжигу керамики, обработке кож и пр.[40] Отчетливые следы ремесленного производства выявлены в Изборске, Старой Ладоге, Гнездово, Темерево. Будущие раскопки, несомненно, умножат число таких поселений.

Заметно возрос общий потенциал ремесла в VIII—IX вв., что создало благоприятные предпосылки для выхода части его продукции на рынок. И, наконец, самой важной характеристикой ремесла этого времени является технический прогресс, что хорошо прослеживается в металлообработке. Изучение клада железных вещей, происходящих из поселения VIII—IX вв. Макаров Остров (на Тясмине), показало, что славянские кузнецы владели поверхностной и сплошной цементацией, сваркой железа и стали в одном изделии. Эта технологическая новинка значительно увеличила производительность труда и надолго определила развитие кузнечной технологии[41].

Успехи сельскохозяйственного и ремесленного производства содействовали укреплению рыночных связей, которые, в свою очередь, оказывали стимулирующее влияние на развитие этих основных отраслей экономики. «Определенное производство,— писал К. Маркс,— обусловливает, таким образом, определенное потребление, распределение, обмен и *определенные отношения этих различных моментов друг к другу*. Конечно, и производство *в его односторонней форме* определяется, со своей стороны, другими моментами. Например, когда расширяется рынок, т. е. сфера обмена, возрастают размеры производства и становится глубже его дифференциация»[42].

Анализ письменных и археологических источников показывает, что в VIII—IX вв. значительно возросли масштабы международной торговли Руси. Одним из главных ее направлений уже со второй половины VIII в. являются страны Востока — Хазария, Волжская Болгария, Средняя Азия, Иран и др. Отсюда на Русь поступали серебряные монеты, которые, как считает В. Л. Янин, в это время распространились не только в отдельных районах Восточной Европы, но и по всей территории расселения восточных славян[43].

С IX в. Русь начинает проявлять интерес к черноморским рынкам, свидетельством чего являются, видимо, походы русских дружин в Крым и Амастриду. Уже в годы княжения Аскольда русско-византийские торговые отношения осуществлялись на юридически договорной основе[44]. Активно функционировал торговый путь «от Грек». В IX в. на Руси происходит третье разделение труда, появилось сословие купцов, которые занимались исключительно обменом товаров. Свидетельство этому — упоминания древнерусских и иностранных источников о русских купцах, находки кладов монет VIII—X вв., а также погребений представителей купечества.

Таким образом, приведенные факты позволяют утверждать, что развитие производительных сил и производственных отношений в восточнославянском обществе конца VIII—IX в., несмотря на сохранявшиеся старые структуры, определялось феодальной формационной системой. Порождением ее были: государственная организация,

социальная дифференциация населения, соседская или территориальная община, вотчинное хозяйство, концентрация ремесленного и торгового труда, города.

Взаимообусловленность и хронологическая одновременность рождения новых структур на теоретическом уровне как будто не вызывает сомнений. Практически нередко исследователи выстраивают эти явления в последовательный ряд. Проблема происхождения древнейших восточнославянских городов — яркий тому пример. В ее решении создалась парадоксальная ситуация. Принимая тезис, согласно которому русская государственность сложилась в конце VIII — начале IX в.[45], исследователи не видят возможности говорить о древнерусском городе раньше конца IX—X в.[46]

Здесь явно нарушается принцип системности анализа. Государство не абстракция. Этот институт состоял из многих структур, из которых важнейшей был город. Признавая существование одного явления, мы тем самым, по логике системности, должны признавать и существование другого.

Издержки анализа — это лишь одна сторона проблемы. Другая заключена в отсутствии четкого представления, каким был древнейший восточнославянский город. Согласно большинству современных исследователей, это, прежде всего, ремесленно-торговый центр, где преобладающим населением были ремесленники и купцы. А поскольку местом их проживания является посад, то именно он и был тем элементом, который определяет характер городского поселения. При этом, как правило, следует апелляция к авторитету М. Н. Тихомирова. Исследователь действительно считал появление городских посадов важным явлением в жизни русских городов, но нигде не говорил, что только с них и начинается их история. Наоборот, отмечая, что «территория русских городов IX—X вв. в основном вмещалась в пределы небольших крепостей — «детинцев», он предполагал существование ранних городов и без посадов[47].

Если представить себе древнейшие русские города преимущественно торгово-промышленными средоточиями, то вполне можно согласиться с исследователями, утверждающими, что таких городов в IX в. еще не было[48]. Здесь все логично и понятно. Не понятно другое, как тем же исследователям удается обнаружить их в X в. При строгом следовании торгово-промышленной модели города результат поиска и для этого столетия окажется отрицательным. Даже Киев не подойдет под такое определение. Попытки поиска городов бюргерского типа заведомо обречены на неудачу. Таких на Руси в IX—XIII вв. вообще не существовало.

Древнейший древнерусский город был другим: в своей основе аграрным, целиком обязанный рождением и развитием сельскохозяйственной округе. Эта естественная связь между возникновением городов и развитием земледелия выявлена уже С. В. Юшковым. Русский город, согласно историку, был для волости или совокупности волостей прежде всего феодальным центром; сборным пунктом для военных сил данной округи, административно-финансовым центром[49]. Исследования М. Н. Тихомирова показали, что большинство древнейших городов возникло в районах, благоприятных для сельского хозяйства и с плотным земледельческим населением[50]. Б. Д. Греков отмечал, что древнейшие русские города являлись политическими, военными и административными центрами, а также опорными пунктами феодального властвования[51].

Формирование древнерусского города как центра феодального властвования не является какой-либо специфической чертой восточнославянской истории.

Такой путь сложения города характерен и для других народов, где образование раннеклассовых структур происходило на основе последовательного внутреннего развития. Исследуя формы городской жизни в Великой Моравии, Б. Достал пришел к выводу, что развитие ранних городов осложнялось концентрацией на них правящих слоев, а ремесло развивалось скорее в рамках их хозяйственных дворов, чем на свободной городской основе[52].

Разумеется, аграрность древнейших русских городов не исключала концентрации в них ремесленного производства, но последнее было еще очень не развито и на первых порах, вероятно, целиком находилось главным образом в лоне редистрибутивной системы.

Анализ письменных и археологических источников убеждает, что ранний русский город являлся важнейшей структурой государственности, на первых порах, по существу, равный ей. По мнению Б. А. Рыбакова, государственность в ее четкой форме возникает лишь тогда, когда сложится более или менее значительное количество центров, используемых для утверждения власти над массой общинников [53].

Древнерусские летописи называют для IX — первой половины X в. 16 городов: Киев, Новгород (862 г.), Ростов (862 г.), Полоцк (862 г.), Ладога (862 г.), Белоозеро (862 г.), Муром (862 г.),Изборск (862 г.), Смоленск (882 г.), Любечь (882 г.), Псков (903 г.), Чернигов (907 г.), Переяславль (907 г.), Пересечен (922 г.), Вышгород (946 г.), Искоростень (946 г.). Думается, что приведенный список не исчерпывает действительного количества ранних русских городов. Г. Г. Литаврин, обратив внимание на повторяющееся число русских послов (22), названных в договоре 944 г. и принимавших участие в поездке Ольги в Константинополь, высказал предположение, что они представляли интересы 22 городских и одновременно крупных административных центров [54].

Когда же сложились эти центры? Конечно же, не в год упоминания летописью. Большинство названных городов существовало уже в IX в., а некоторые, вероятно, и в последних десятилетиях VIII в. Археологические исследования Киева, Чернигова, Ладоги, Пскова, Полоцка, Любеча, Изборска, а в последние годы и Галича обнаружили достаточно отчетливые культурные слои VIII—IX вв. В некоторых древнейших городах (Новгород, Смоленск, Ростов) материалы этих веков пока не выявлены, но зато рядом с ними хорошо известны раннегородские поселения VIII—IX вв.— Рюриково городище, Гнездово, Сарское городище. Являлись ли они непосредственными предшественниками Новгорода, Смоленска и Ростова, как думают одни исследователи, или были своеобразными спутниками этих городов на раннем этапе их истории, как полагают другие, сказать трудно. Ясность в этот вопрос внесут будущие раскопки. Однако при любом его решении бесспорным останется вывод, что и Рюриково городище, и Гнездово, и Сарское городище сыграли важную роль в становлении старейших русских городов — Новгорода, Смоленска, Ростова.

Выше отмечалось, что летописный термин «град» не всегда раскрывает социальную сущность конкретного населенного пункта. Но из этого не следует делать вывод, что летописцы вообще не вкладывали в термин «град» социального содержания, а имели в виду лишь наличие у поселения укреплений. Анализ письменных известий о древнейших русских городах показывает, что летописцы видели в них не только укрепленные поселения, но, главным образом, центры государственной власти, экономического средоточия.

Вспомним, каким принципиально важным для древнерусского летописца был вопрос о социальном статусе основателя города Киева. Проведя целое исследование, он показал, что Кий был не перевозчиком через Днепр, но князем полян. Основанный им город, таким образом, являлся не просто крепостью, а политическим центром княжения. Овладение этим «градком» в 862 г. дало возможность, по летописной версии, Аскольду и Диру «владѣти польскою землею» [55]. Рюрик вокняжился в Новгороде, Синеус — в Белоозере, Трувор — в Изборске. Дальше в летописной статье 862 г. рассказывается, что после смерти братьев «прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро» [56]. В 882 г. Олег, спускаясь по Днепру, «приде къ Смоленьску съ кривичи, и прия градъ, и посади мужъ свои; оттуда поиде внизъ, и взя Любець и посади мужъ свои» [57].

В приведенных летописных сообщениях со всей отчетливостью прослеживается непосредственная связь между древнерусской государственностью и

городами как центрами ее средоточия. Причем, несмотря на явную норманскую вуаль, которой покрыты первые страницы летописи Нестора, раннее донорманнское происхождение государственной власти и городов не вызывает сомнения. Рюрик, а позднее и Олег не основывают своих городов, а овладевают уже существующими, не учреждают в них политическую власть, а лишь меняют старую администрацию на новую — «свою».

Социальная сущность древнерусских городов IX в. хорошо раскрывается в последующих летописных известиях. Согласно заключенному договору 907 г. между Русью и Византией империя брала на себя обязательство «даяти уклады на рускыа грады: первое на Киевъ, та же на Черниговъ, на Переяславль, на Полотѣскъ, на Ростовъ, на Любечь и на прочаа городы; по тѣмъ бо городомъ седяху велиции князи, под Олгомъ суще» [58]. Экономические интересы этих городов, стремившихся к поддержанию регулярных торговых контактов с Константинополем, отражены и в других статьях договора.

Таким образом, «рускыа грады» договора 907 г. это не небольшие крепости, а крупные политические и экономические центры Киевской Руси, где сосредотачивались органы государственного управления, проживали представители высших слоев древнерусского общества, концентрировался и перераспределялся прибавочный продукт сельскохозяйственного производства, развивалась международная торговля.

Сведения русских летописей о существовании на Руси значительного числа городов уже в IX в. подтверждаются и арабскими источниками. В сочинениях ал-Йакуби, Ибн Хордадбеха, Ибн-ал-Факиха, Ибн Русте, анонимного автора Худуд ал-Алам, ал-Истархи, Ибн Хаукаля неизменно говорится о славянских городах. Кроме общей ссылки на большое число городов у славян и русских, в них содержатся сведения и о конкретных городах Вабните, Хордабе, Куйабе, Салау, Арсе [59].

Для нас они важны тем, что являются, по существу, современными процессам градообразования и формирования государства у восточных славян [60]. Можно предположить, что восточные авторы, проживавшие в развитых городских центрах арабского мира, хорошо различали город и крепость, а поэтому их сведения о наличии у славян городов не должны подвергаться сомнению. Они описывают ранний восточнославянский город как крупный населенный пункт, где живут царь, его приближенные, дружинная знать, жрецы, купцы. В целом его социальный облик почти идентичен тому, который восстанавливается и на основании летописных свидетельств.

Итак, основываясь на анализе письменных источников, можно прийти к выводу о существовании древнейших восточнославянских городов уже в конце VIII—IX в. Подтверждается ли он археологическими источниками? Отрицательный ответ на этот вопрос большинства исследователей сколь единодушен, столь и несправедлив. Обусловлен он многими причинами: неверной трактовкой модели древнейшего восточнославянского города, фрагментарной сохранностью раннегородских слоев, убежденностью в синхронности процессов рождения новых социальных форм жизни и адекватного отражения их в памятниках материальной культуры.

Обратимся к конкретным материалам. В качестве эталонного памятника возьмем Киев, который лучше других древнейших городов исследован археологически. Даже беглого взгляда на карту распространения находок конца VIII—IX в. достаточно, чтобы убедиться в значительности этого центра. Археологические материалы обнаружены в Верхнем городе, на Подоле, Кирилловских высотах, Печерске и в некоторых других районах. Характерно, что в эти века сформировалась социальная структура древнего Киева, не претерпевшая в будущем сколько-нибудь существенных изменений. Центральным городским средоточием являлись Старокиевская и Замковая горы, где проживали князья, бояре, дружинники, жрецы. На Подоле уже в IX—X вв. сложился значительный посадский район. Вокруг основного городского ядра располагались окольные поселения (городище на Лысой и

Батыевой горах, поселение в районе Берестова и Аскольдовой могилы), представлявшие собой дружинно-купеческие слободы [61].

Археологи охотно ссылаются на высказывания М. К. Каргера, что киевские поселения VIII—X вв. «лишь к концу этого периода окончательно слились в один город» [62], однако не уточняют, о каком слиянии идет речь: структурно-градостроительном или же социальном. Если иметь в виду первое, то полного слияния всех обособленных (в силу топографических условий) частей древнего Киева в единый городской массив не произошло и в период его расцвета, если — второе, то термин «слияние» здесь вообще неприемлем. Уже в третьей четверти I тыс. н. э. киевские поселения представляли собой не простую совокупность, а определенное социальное единство во главе с городком на Старокиевской (первоначально на Замковой) горе. В IX в., когда власть киевских князей распространялась на многие славянские земли и дипломатические связи простирались до Константинополя и Ингельгейма, единство это еще более окрепло, причем зиждилось не на родоплеменной, а на государственной основе.

Свидетельством раннефеодальной сущности Киева конца VIII—IX в. являются погребальные памятники. Вплоть до 60—70 годов XIX в. на территории города сохранялись сотни древних курганов. Большинство из них составляло обособленные группы, располагавшиеся возле древних поселений и городищ; некоторые представляли собой изолированные могилы. Лучше других исследованы курганные древности в районе Старокиевской и Лысой гор, полная сводка которых содержится в итоговых работах Л. А. Голубевой, М. К. Каргера, С. Р. Килиевич [63].

Анализ погребального комплекса позволил не только выявить группу богатых дружинных захоронений, но и определить их внутреннюю социальную неоднородность. К числу наиболее богатых по инвентарю относятся погребения в срубных гробницах. В них найдены драгоценные вещи, предметы женского убора, широкий ассортимент оружия, богатое снаряжение боевого коня. Эти погребения в большинстве случаев сопровождаются захоронением женщины (жены или рабыни), а также коня. Принадлежали они, по-видимому, княжеско-боярской верхушке киевского общества.

Менее богатой по инвентарю (и обряду) группой являются захоронения в деревянных гробах. Их инвентарь состоит из нескольких предметов вооружения (боевой топорик, колчан со стрелами, меч, копье), большего или меньшего числа портупейных бляшек, вещей личного употребления (ножи, огниво, костяной гребень).

Известны в киевском некрополе захоронения детей и женщин, не уступающие по богатству и разнообразию инвентаря погребениям княжеско-боярской знати. В них обнаружены: деревянные ведра с железными обручами, арабские и византийские монеты, богатые сердоликовые и пастовые ожерелья, остатки златотканной парчи, золотые восточные кольца, скорлуповидные фибулы и пр.

К числу богатых дружинных погребений относятся не только трупоположения, но и трупосожжения, хотя последних, из-за трудности их исследования, открыто не так уже много. Согласно известиям дореволюционной киевской прессы, на погребальных кострищах, раскопанных в районе Старокиевской горы и на Кирилловских высотах, лежали глиняные урны с прахом покойника (сосуды очень старые, иногда лепные), перегоревшие остатки каких-то бронзовых украшений (застежек), предметы вооружения, железные ножи, бронзовая курильница, костяные накладные пластины, наременные бляшки, монеты [64].

Исследование вопроса о социальном облике населения раннего Киева на материалах могильника тесно связано с определением времени его функционирования. С. П. Вельмин, полагая, что на Старокиевской горе открыто кладбище самых первых на Руси христиан, датировал его концом VIII — серединой X в.[65] В. М. Каргер предпринял попытку передатировать погребения с монетами и несколько омолодить их. В связи с этим были взяты

под сомнение свидетельства В. В. Хвойки, С. П. Вельмина и других археологов о нахождении в инвентаре могил на Старокиевской горе и Кирилловских высотах монет конца VIII—IX в. Уточнив даты нескольких спорных монет, М. К. Каргер пришел к выводу, что все монеты киевского некрополя, за ничтожным исключением, относятся к началу или середине X в., а поскольку между чеканкой монет и их попаданием в погребения проходило около полустолетия, то богатые погребения с монетами следует датировать серединой — концом X в.[66]

Согласиться с таким выводом нельзя. Во-первых, основная масса монет датируется последними десятилетиями IX — первой четвертью X в. «Ничтожное исключение» составляют как раз поздние монеты, связанные, вероятно, с погребениями церковного кладбища. Во-вторых, серьезное сомнение вызывает определение длительности обращения монет до попадания их в землю. Почему 50 лет, а не 100 или 10? Ведь теоретически медная византийская монета императора Льва VI (886—912), обнаруженная в погребении по ул. Владимирской, 7/9, могла быть чеканена в первый год его правления, в том же году привезена в Киев и в том же году последовала за своим владельцем в землю. Разумеется, подобный случай мог быть скорее исключением, чем правилом. Однако отрицание практической одновременности монет и погребений, по существу, исключает использование нумизматических находок в качестве датирующего материала. Логичнее все же предположить, что умершему клали в могилу не старую — 50-летней давности монету, а новую.

Приведенные соображения, а также наблюдения историко-топографического порядка позволяют утверждать, что погребения с монетами датируются концом IX — первой половиной X в.[67]

К числу более древних дружинных погребений, по мнению Г. Ф. Корзухина и М. К. Каргера, относятся те из них, которые не содержали богатого и разнообразного инвентаря. Воинов-дружинников, похороненных в деревянных гробах (иногда в небольших срубах), сопровождали только единичные предметы вооружения. Такие погребения исследователи склонны датировать IX в.

При определении хронологии киевского дружинного некрополя исследователи, как правило, «забывают» о погребениях, совершенных по обряду трупосожжения. М. К. Каргер, ссылаясь на немногочисленность находок, отнес их к рядовым захоронениям. Свидетельства В. В. Хвойки об обнаружении в таких погребениях предметов вооружения, полурасплавленных ажурных серебряных и бронзовых украшений и других предметов не дают возможности согласиться с подобным выводом. Вероятнее всего, они также принадлежали дружинному сословию и фиксируют начальные этапы его сложения. Указания о наличии в некоторых погребениях лепных урн позволяют отнести их к VIII — первым десятилетиям IX в., то есть ко времени первых походов русских дружин в Крым и Амастриду.

И. И. Ляпушкин, исходя из датировки М. К. Каргера наиболее богатых погребений киевского некрополя (от середины до конца X в.) и полагая, что погребальный обряд отражает реальную жизнь с запозданием на два-три поколения, относил отчетливо выраженное экономическое неравенство и сложение дружинного сословия — опоры княжеской власти к середине IX в.[68] Уточнив датировку богатых погребений с монетами (конец IX — первая половина X в.), а также приняв во внимание наличие более ранних (хотя и менее богатых) дружинных захоронений, можно с уверенностью утверждать, что процессы экономического расслоения и формирования дружинного сословия активно протекали уже в VIII — начале IX в. К такому выводу пришел в последнее время и Г. В. Абрамович, исследующий проблему раннего феодализма на Руси[69].

Аналогичную или близкую картину общественной жизни можно составить на основании анализа археологических комплексов Чернигова, Гнездова (Смоленск?), Рюрикова городища (Новгород?), Старой Ладоги, Полоцка, Пскова, Изборска, Сарского городища

(Ростов?), Белоозера, Тимеревского поселения (Ярославль?). Какими бы терминами ни обозначали их исследователи (племенные центры, протогорода, открытые торгово-ремесленные поселения), городская (раннегородская) их сущность не должна вызывать сомнений.

Таким образом, основываясь на анализе древнерусской летописи, сведениях арабских письменных источников, а также археологических материалов, можно прийти к следующим выводам.

1. Древнейшие восточнославянские города формируются преимущественно на базе племенных «градов» VI—VIII вв. В тех благоприятных случаях, когда длительный процесс градообразования не прерывался, именно «град» являлся первым этапом в жизни раннефеодального центра. С него и начинается история города, а не с того момента, когда он приобретает классические средневековые черты.

2. Сложение древнейших восточнославянских городов происходило одновременно с формированием древнерусской государственности и относится к концу VIII—IX в.

3. Древнейшие восточнославянские города не были по преимуществу центрами ремесла и торговли. Основой их экономического развития являлось сельскохозяйственное производство округи. Отсюда осуществлялось феодальное ее освоение, здесь концентрировался (полюдье) и перераспределялся прибавочный земледельческий продукт, на базе которого развивались торговля и ремесло.

4. Ведущими функциями древнейших восточнославянских городов были политическая и военная. Концентрация власти и силы, а следовательно, и феодализирующейся знати обусловила превращение города в административный центр округи.

5. Существенной изначальной функцией ранних городов была культовая.

Разумеется, приведенная многофункциональная нагрузка характеризует не все древнейшие города. В жизни некоторых из них доминировала какая-либо одна или несколько городских функций. Все зависело от ранговости города (столица государства, стольный город, земли, центр княжества, волости) и конкретных условий развития.

[1] *Карлов В. В.* О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья.— В кн.: Русский город. М., 1976, с. 39.

[2] *Рыбаков Б. А.* История СССР. М., 1967, т. 1, с. 536.

[3] *Фроянов И. Я.* Киевская Русь.— Л., 1980, с. 232.

[4] *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства.— Л., 1968, с. 164.

[5] *Тимощук Б. О.* Слов'яни Північної Буковини V—IX ст.— К., 1976, с. 118.

[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 406.

[7] Повесть временных лет. М.; Л., 1950, ч. 1, с. 13. (Далее: ПВЛ).

[8] *Рыбаков Б. А.* Новая концепция предыстории Киевской Руси.— История СССР, 1981, № 2, с. 43.

[9] *Довженок В. Й.* Землеробство древньої Русі.— К., 1961; *Краснов Ю. А.* Опыт построения классификации наконечников пахотных орудий (по археологическим материалам Восточной Европы).— СА, 1978, № 4; *Миносян Р. С.* Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья.— АСГЭ, 1978, 19.

[10] *Янушевич И. И.* Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим исследованиям.— Кишинев, 1976; *Кирьянова Н. А.* О составе земледельческих культур древней Руси X—XV вв.: (По археол. данным).— СА, 1979.

[11] *Артамонов М. И.* Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг.— КСИИМК, 1955, вып. 59; *Бідзіля В. І.* Залізоплавильні горни середини I тисячоліття н. е. на Південному Бузі.— Археологія, 1963, т. 15.

[12] *Вознесенская Г. А.* Кузнечное производство у восточных славян.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 63.

[13] Там же, с. 64.

[14] Там же.

[15] *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв.— М., 1982, с. 242.

[16] *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья.— М., 1956, с. 84—87.

[17] *Толочко П. П.* Про час виникнення Києва.— В кн.: Слов'яноруські старожитності. К., 1969, с. 116—117; *Толочко П. П.* О времени возникновения Киева.— В кн.: Тез. докл. сов. делегации на III Междунар. конгр. слав. археологии. М., 1975, с. 82—85.

[18] *Достал Б.* Некоторые общие проблемы археологии Древней Руси и Великой Моравии.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 87.

[19] *Корзухина Г. Ф.* К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э.— СА, 1955, с. 77—78.

[20] *Labuda G.* Pierwsze państwo słowiańskie: Państwo Samona.— Poznań, 1949.

[21] *Donnert E.* Studien zur Slawenkunde des deutschen Frühmittelalters.— Wiss. z. Friedrichschiller, 1963, Jg. 12, S. 191—193.

[22] *Lowianski H.* Początki Polski.— Warszawa, 1973, s. 319—322.

[23] К числу таких «градов» относятся Микульчицы, Старе Замки, Зелена гора, Старе Място в ЧССР; Ленчица, Шелиги, Гнезно, Санток в ПНР.

[24] *Klaniza Z.* Vororossmährische Siedlung in Mikulcice und ihre zum Karpatenbecken.— PV, 1972, S. 14.

[25] *Lowmianski H.* Op. cit., s. 493.

[26] *Labuda G.* Die Anfänge des polnischen Städte Wegens im Hochmittelalter. Lartisanat et la vie urbaine en Pologne mèdievale.— Warszawa, 1962, s. 321.

[27] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 163.

[28] *Юшков С. А.* Нариси з історії виникнення і початкового розвитку феодалізму в Київській Русі.— К., 1939, с. 18—21; *Воронин Н. Н.* К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города.— КСИИМК, 1954, вып. 41, с. 9; *Мавродин В. В., Фроянов И. Я.* Ф. Энгельс об основных этапах разложения родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси.— ВЛУ, 1970, № 20, с. 14.

[29] *Юшков С. В.* Указ. соч., с. 20.

[30] *Фроянов И. Я.* Киевская Русь.— Л., 1980, с. 232.

[31] *Тараканова С. А.* О происхождении и времени возникновения Пскова.— КСИИМК, 1950, вып. 35, с. 23—25.

[32] *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты, славяне на Днепре и Волге.— М.; Л., 1966, с. 245.

[33] *Насонов Н. А.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства.— М., 1951.

[34] *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси.— М., 1980, с. 27—46.

[35] *Рыбаков Б. А.* Новая концепция..., с. 54—59.

[36] *Достал Б.* Указ. соч., с. 83—84; *Lowmianski H.* Op. cit., с. 441—442.

[37] *Рыбаков Б. А.* Новая концепция..., с. 59.

[38] *Тимощук Б. О.* Указ. соч., с. 127—128.

[39] *Dostál B.* Breclav Pohansko: Velkomoravský Velmozsky dvorec.— Brno, 1975, s. 346.

[40] *Тимощук Б. О.* Указ. соч., с. 110—112.

[41] *Вознесенская Г. А.* Указ. соч., с. 64.

[42] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 12, с. 725—726.

[43] *Янин В. Л.* Указ. соч., с. 84—87.

[44] *Брайчевский М. Ю.* О первых договорах Руси с греками.— Сов. ежегодник междунар. права, 1978. М., 1980, с. 269—280.

[45] В. В. Седов считает, что в это время появились полугосударственные образования, правда, не уточняет, чем определяется эта «полугосударственность» — недостаточной развитостью государственных институтов или же небольшими размерами государственной территории.

[46] *Ляпушкин И. И.* Указ. соч., с. 166; *Седов В. В.* Указ. соч., с. 242; *Авдусин Д. А.* Происхождение древнерусских городов: (По археол. данным).— ВИ, 1980, № 12, с. 11; *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков.— Л., 1978, с. 140.

[47] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города.— М., 1956, с. 44.

[48] *Ляпушкин И. И.* Указ. соч., с. 164—166.

[49] *Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси.— М.; Л., 1939, с. 131—138, 172.

[50] *Тихомиров М. Н.* Указ. соч., с. 58—61.

[51] *Греков Б. Д.* Киевская Русь.— М.; Л., 1953, с. 99—101.

[52] *Достал Б.* Указ. соч., с. 85.

[53] *Рыбаков Б. А.* Город Кия.— ВИ, 1980, № 5, с. 34.

[54] *Литаврин Г. Г.* Состав посольства Ольги в Константинополь и «дары» императора.— В кн.: Византийские очерки. М., 1982, с. 82.

[55] ПВЛ, ч. 1, с. 19.

[56] Там же, с. 18.

[57] Там же, с. 20.

[58] Там же, с. 23—24.

[59] *Новосельцев А. П.* Восточные и западные источники о Древнерусском государстве.— В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 387—412.

[60] А. П. Новосельцев считает, что сведения, содержащиеся в сочинениях арабских авторов IX — первой половины X в., датируются не позднее 80-х годов IX в.— Указ. соч., с. 408, 419.

[61] *Толочко П. П.* Древний Киев.— Киев, 1983, с. 170.

[62] *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1958, т. 1, с. 115, 523.

[63] *Голубева Л. А.* Киевский некрополь.— МИА, 1949, № 11; *Каргер М. К.* Указ. соч., т. 1; *Килиевич С. Р.* Детинец Киева IX — первой половины XIII в.— Киев, 1982.

[64] *Каргер М. К.* Указ. соч., т. 1, с. 195—198.

[65] *Вельмин С. П.* Археологические изыскания ИАК в 1908 и 1909 гг. на территории древнего Киева.— ВИВ, 1910, кн. 7/8, с. 139.

[66] *Каргер М. К.* Указ. соч., т. 1, с. 223, 226.

[67] *Толочко П. П.* Історична топографія стародавнього Києва.— К., 1972, с. 63—64.

[68] *Ляпушкин И. И.* Указ. соч., с. 163.

[69] *Абрамович Г. В.* К вопросу о критериях раннего феодализма на Руси и стадиальности его перехода в развитой феодализм.— История СССР, 1981, № 2, с. 69.